

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Руденко Виктор Николаевич —
 кандидат философских наук,
 директор Института философии и права
 УрО РАН

В глобальном обществе готовность к толерантности находит выражение в дискурсе согласительных политических систем. основополагающим принципом функционирования этих систем является согласование интересов государства и субъектов гражданского общества. Согласительные политические системы, вследствие присущей им полисубъектности, полиархичности, плюрализма, нуждаются в институтах, предназначенных для улаживания конфликтов и достижения консенсуса. Способ властвования, центрированный на поиске согласия, терпимости, взаимопонимания, конкурентности идей и программ, не приемлет методов насилия и принуждения со стороны органов государственной власти. В равной мере для этого способа властвования чужда и идея самовластия, находящая выражения в разного рода концепциях безгосударственного управления, правления без правительства и др. История развития демократии в период с конца XVIII века и до настоящего времени свидетельствует о том, что невозможно властью, которая рассматривает различных субъектов гражданского общества исключительно в качестве легитимирующей фикции, так же, как невозможно гражданское общество, участники которого воспринимают власть как своего рода свод нравственных идеалов, не требующих для своей реализации определенных политико-правовых институтов. Чарльз Ф. Эндрейн характеризует согласительные системы следующим образом: «Участники политического процесса относятся к политике как своего рода игре. В числе основных «иг-

роков» или «команд» — разнообразные правительственные учреждения, независимые группы влияния и коалиционные политические партии. ... Для обеспечения победы своей политической линии, каждая из команд должна вступать в сделки, образовывать коалиции и играть роль посредника в конфликте мнений. Опираясь на общность моральных обязательств, доверие и процедурный консенсус, «игроки» пытаются обеспечить позитивный результат, от которого в выигрыше оказались бы все. ... Характер ролевых взаимоотношений определяется не расплывчатым социальным статусом, а конкретными договорными обязательствами. Улаживанию межгрупповых разногласий способствуют также такие политические институты, как независимые суды, представительные законодательные учреждения, коалиционные партии и общеобразовательные школы. Эти институты формируют единые ценности, сознание необходимости сотрудничества, а также играют роль арбитров в политическом состязании, в процессе которого участники договариваются о политических изменениях»¹.

Как следует из приведенной характеристики согласительных политических систем, субъекты гражданского общества (политические партии и их коалиции, группы интересов, граждане и др.) становятся участниками согласования интересов общества и государства. Поэтому в упомянутых политических системах существует потребность в развитии соответствующих демократических практик, нацеленных на толерантные отношения. Причем, каждая из этих практик имеет свои специфические институциональные формы. Обратим внимание на основные виды современных демократических практик.

Демократические практики, допускающие возможность принятия публично-властных решений непосредственно субъектами гражданского общества:

— Практика *прямой демократии* предполагает применение принципа субсидиарности при решении вопроса о том, должно ли приниматься публично-властное решение представительными органами власти, должностными лицами либо гражданами. Если общественно значимая проблема может быть эффективно решена самими гражданами, законодательство предусматривает соответствующие механизмы ее решения, регулируемые институтами прямой демократии (референдум, народная правотворческая инициатива, народное вето, отзыв депутата или выборного должностного лица, общие собрания (сходы) граждан)².

— Практика так называемой *«выпрямленной демократии»* допускает непосредственное принятие

гражданами публично-властного решения о выборе определенного политического курса правительства в условиях биполярной партийной системы.

Демократические практики, поощряющие участие субъектов гражданского общества в выработке публично-властных решений, принимаемых должностными лицами или органами государственной власти:

— Практика *плебисцитарной демократии* предполагает согласование интересов общества и власти путем выявления мнения большинства граждан на плебисците. Голосуя в поддержку предложенного решения, граждане придают ему большую легитимность. Механизм плебисцита нередко используется харизматическими лидерами для того, чтобы преодолеть сопротивление представительного (законодательного) органа государственной власти при принятии ответственных политических решений. Граждане в данном случае манифестируют свое коллективное мнение, к которому и апеллирует политик³.

— Практика *партисипаторной демократии* (демократии участия) нацелена на обеспечение тесного взаимодействия органов власти и общественности, на предоставление гражданам, общественным организациям возможности отстаивания своей позиции при принятии публично-властных решений по отдельным вопросам жизни общества, имеющим общий интерес. Она охватывает множество пассивных и активных институциональных форм такого участия. К числу первых относится информирование общественности в целях обеспечения общественной поддержки проектам, выдвигаемым органами власти. Особенно популярной в настоящее время стала так называемая электронная демократизация — использование электронных средств связи и информации для более полного информирования органами государственной власти граждан и всех заинтересованных групп в целях поддержания тесных связей с ними. Активными формами партисипаторной демократии являются: участие граждан в различных комиссиях, комитетах, коллегиях, совещательных органах, общественные слушания, добровольчество, различные формы социального партнерства (совместная разработка и реализация социальных программ представителями общественности и органами власти, партнерство в сфере трудовых отношений и др.), формы функционального представительства интересов субъектов гражданского общества на государственном уровне (массовые кампании и выступления граждан, деятельность партий, трехсторонних комиссий, совещания, собрания и др.)⁴.

Практика партисипаторной демократии способствует достижению согласия при принятии публично-властного решения, предотвращению возможности возникновения конфликтов вокруг них.

— Практика *энтисипаторной демократии* (демократии ожидания) предполагает постоянную переоценку направлений развития общества гражданами, а не политиками, учеными, элитарными кругами общества. Это система непрерывных плебисцитов о будущем, реализуемых через созыв ассамблей, представляющих промышленность, интеллектуальные сообщества, искусство, церковь, женские и этнические группы и др. Данные ассамблеи призваны определять конкретные социальные цели на длительный период времени⁵.

Практика энтисипаторной демократии, получившая пока только теоретическое обоснование, исходит из признания за гражданами не столько законодательных полномочий, сколько права на выработку перспективного футурологического проекта развития общества.

— Практика *делиберативной демократии* (демократии обсуждения) нацелена на формирование институциональных предпосылок делиберативного принятия решений: «все, кого может затронуть предполагаемое решение, должны иметь равные шансы на участие в обсуждении»⁶. Принцип обязательного участия в обсуждении свободных и равных граждан, ассоциаций гражданского общества, групп интересов, средств массовой информации «является основанием легитимности институтов и норм демократического общества: институты легитимны постольку, поскольку они устанавливают организационную структуру свободного публичного обсуждения, нормы легитимны в той мере, в какой они являются результатом такого обсуждения»⁷. Механизм делиберативной демократии нацелен, как правило, на обеспечение тесного взаимодействия парламента и общественности, на демократизацию законодательной деятельности.

— Практика *переговорной демократии* предполагает постепенное расширение процедуры переговоров между элитными группами на значительную часть субъектов гражданского общества. Она нацелена на выработку легитимного публично-властного решения исключительно в рамках процесса институционализированных переговоров. В ходе этих переговоров обеспечивается переход от поверхностного и зачастую враждебного взаимодействия субъектов публичного права к их глубоко интегрированному и согласованному взаимодействию⁸.

Исходя из сказанного, можно заключить, что толерантность — одно из фундаментальных начал, определяющих направление эволюции современной демократии. Демократические практики, основанные на готовности к диалогу между обществом и властью, переговорам и нацеленные на поиск реальных возможностей участия субъектов гражданского общества в решении значительной части публично-правовых вопросов, в значительной мере определяют направление эволюции современной демократии. Они способствуют установлению порядка, основанного на признании интересов и прав «другого». Применение современных демократических практик, возможно, приведет к столь существенному усовершенствованию механизмов демократии, что известные и до настоящего времени актуальные слова Ж.-Ж. Руссо: «Нет правления, столь подверженного гражданским войнам и внутренним волнениям, как демократическое...» когда-то будут цитироваться с пометкой «анахр.».

¹ См.: Чарльз Ф. Эндрейн. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М., 2000. С. 70.

² О современной прямой демократии см.: Cronin, Tomas E. Direct Democracy. The Politics of Initiative, Referendum, and Recall. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, and London, 1989.

³ Современные представления о плебисцитарной демократии см.: Auer, Andreas, and Butzer, Michael (eds). Direct Democracy: The Eastern and Central European Experience. Aldershot: Ashgate, 2001; Мишин А.А. Концепция плебисцитарной демократии // Советское государство и право. 1972. С. 125–130.

⁴ См.: Zimmerman J. F. Participatory Democracy. Populism Revived. N.Y.: Praeger Publishers, 1995. P. 7-13; Модель И.М., Модель Б.С. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург: УрО РАН, 1998; Перегудов С.П. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Политические исследования. 1993. № 4. С. 115-124; Он же. Новейшие тенденции в изучении гражданского общества и государства // Политические исследования. 1998. № 1; Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Се-

мененко И.С. Группы интересов и Российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

⁵ См.: Anticipatory democracy: People in the politics of the future. N.Y., 1978; Тоффлер Э. Шок будущего (футуршок). <http://multure.narod.ru/help/pr/toffler1.html>

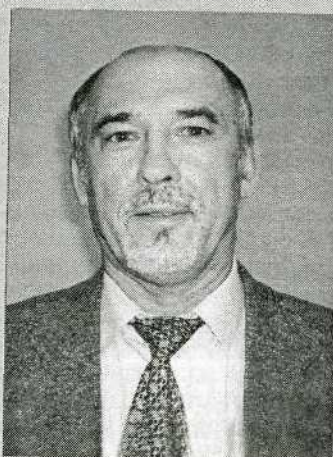
⁶ См.: Бусова Н.А. Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. 2002. № 5. С.51.

⁷ Там же.
⁸ См.: Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. С. 33-39.

ВЫЗОВЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ МАРГИНАЛЫ В ПОЛИТИКЕ

**А.В.Гайда,
В.В.Китаев**

Гайда
Анатолий
Войсехович —
доктор
философских наук,
профессор,
заместитель
руководителя
Администрации
губернатора
Свердловской
области,
директор
департамента
социально-
политического
прогнозирования

Китаев
Виктор
Васильевич —
кандидат
философских
наук,
доцент,
консультант
департамента
социально-
политического
прогнозирования
Администрации
губернатора
Свердловской
области

Социально-политическая толерантность предполагает достижение в обществе взаимосогласованности господствующих политических и жизненных ценностей и установок ведущих социальных, профессиональных, демографических, гендерных групп и слоев.

По существу говоря, социально-политическая толерантность — это постоянный процесс достижения ценностного мира между различными ус-

ремлениями ведущих социально-политических акторов общественного развития.

Для того, чтобы этот сложный и противоречивый процесс достижения, зачастую, весьма хрупкого ценностно-аксиологического согласия осуществлялся и приносил требуемые результаты, нужны объективные детерминанты, определенные социально-экономические предпосылки и условия. К таковым — в первую очередь — относятся социальная и экономическая стабильность, устойчивость положения социальных групп и слоев, обеспечение условий для их реального участия во взаимовыгодном социальном партнерстве. Сюда же относятся политическая стабильность, гарантированность политического участия и электорально-волеизъявления.

Не менее важным для достижения ценностного согласия является действие субъективных факторов. Они включают в себя, прежде всего, соответствие динамики и векторов общественного развития интересам и ожиданиям социальных групп и слоев, наличие у них политической воли для участия в конструктивном общественном диалоге, в котором рождается созвучие разнонаправленных социально-политических устремлений и требований.

Из современной мировой и отечественной практики известно, что наиболее сложно и конфликтно становление социально-политической толерантности идет в изменяющемся социуме — обществе транзитивного типа.

В такого типа обществах образуется достаточно многочисленный и, как правило, весьма радикализированный, социально безответственный и «громкоголосый» слой социальных маргиналов. Это — люди, выбитые из своих исконных социальных ячеек, утратившие связь со своими традиционными корнями, потерявшие привычные устойчивые ориентиры и еще не нашедшие новые в новом социальном мире, который кажется им чуждым, враждебным и в чем-то даже ненавистным.

Социальные маргиналы не имеют достаточно жесткой адресной социальной «прописки». Этот слой находится в своеобразном социально-дисперсном состоянии. Социальная маргинальность может быть присуща люмпену и мелкому лавочни-